

На правах рукописи

Соловьев Павел Константинович

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕДИНОВЕРИЯ В САМАРСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Саратов – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель:

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов

Официальные оппоненты:

Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин УВО «Московский художественно-промышленный институт», г. Москва

Хохлов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Защита состоится **23 июня 2025 года в 14.00 часов** на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук **24.2.392.02** по историческим наукам на базе ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 515.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: ул. Университетская, 42, читальный зал № 3, и на официальном сайте ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского»: <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/24-2-392-02/kandidatskaya-dissertaciya-soloveva-pavla>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Чернова
Лариса Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Единоверие – уникальный конфессиональный феномен, погранично расположенный между противостоящими друг другу со времен раскола второй половины XVII в. Русской Православной Церковью (далее – РПЦ) и старообрядчеством. После утверждения в 1800 г. правил митрополита Платона (Левшина) единоверие явилось «условной» формой воссоединения существенной части «ревнителей древлего благочестия» с «господствующей» Церковью. Старообрядцы получали определенную приходскую автономию, сохраняли возможность совершения богослужения по старопечатным книгам, в полной мере сохраняя дониконовские обрядные формы в единстве литургического общения с Церковью и административном подчинении общеправославным епископам. «Условное» присоединение старообрядцев к РПЦ стало весьма существенным фактором православной миссии, оказавшим значительное влияние на конфессиональную ситуацию в тех регионах Российской империи, где численность старообрядцев была особенно высока, в том числе и в Самарской губернии.

В настоящее время наблюдается рост интереса к историческому наследию православного старообрядчества, вызванный возрождением единоверия: в современной России действует более трех десятков единоверческих приходов и общин. С 1999 г. для координации и поддержки деятельности старообрядных (единоверческих) приходов при Отделе внешних церковных сношений Священного Синода РПЦ начала свою работу Комиссия по делам старообрядных приходов. В 2009 г. указом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева) в Москве при Покровском храме в Рубцове был учреждён Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции, призванный стать основной базой для деятельности вышеуказанной Комиссии. В марте 2022 г. Священный Синод принял Положение о старообрядных приходах, что указывает на сохраняющийся интерес РПЦ к развитию единоверия в современных условиях. Актуальность исследования истории единоверия подтверждается необходимостью взаимодействия государственных органов с современными старообрядческими религиозными организациями. Нельзя также не отметить растущие запросы общества на решение возникающих проблем в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Степень научной разработанности темы. В отечественной историографии изучение единоверия занимает неопределенное положение между изучением истории РПЦ и истории старообрядчества. Сам термин «единоверие» носит довольно расплывчатый характер, что признается и РПЦ, и старообрядцами. Двусмысленный канонический статус единоверия, вызывал дискуссии в церковных кругах и научной среде уже до революции.

Дореволюционный период историографии единоверия характеризуется накоплением фактологической и документальной базы. В это время сложились основные сюжетные темы исследований (общероссийская и локальная история, биографии), сделаны первые попытки периодизации истории единоверия. Вместе с тем на данном этапе имелась конфессиональная ангажированность в

исследованиях, что определяло отношение к единоверию и его значению в истории «господствующей» Церкви и старообрядчества в целом.

Историография единоверия начала складываться с 1850-х гг., в некотором смысле подводя итоги реализации правил митрополита Платона за первую половину XIX в. Епископ Макарий (Булгаков), отмечая, что единоверие распространяется «не без борьбы», в то же время с осторожным оптимизмом оценивал его дальнейшие перспективы развития. Другие исследователи в целом скептически оценивали успехи единоверия, которое даже государственная поддержка не смогла превратить в эффективный инструмент борьбы с расколом¹. В 1860-е гг. М. Симеоновский впервые предложил периодизацию явления и уделил большое внимание его географической локализации, после чего выходят несколько исследований, посвященных становлению единоверия в различных регионах: на Урале, в Прибалтике, на землях Уральского казачьего войска, в Калужской, Ярославской и Пермской губерниях, в Поволжье². Среди работ дореволюционных исследователей присутствуют также и соответствующие сюжеты в биографиях церковных иерархов, сыгравших важную роль в становлении единоверия³.

В связи с празднованием 100-летия утверждения правил митрополита Платона интерес к истории православного старообрядчества усилился. В конце XIX – начале XX в. выходит в свет ряд обзорных работ, затрагивающих различные темы и периоды из истории единоверия⁴. Среди прочих обращает на

¹ Макарий (Булгаков), епископ. История русского раскола, известного под именем «старообрядства». СПб., 1855; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Мельников П. И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1976. Т. 7. С. 355–356; Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870.

² Симеоновский М. Исторический очерк единоверия. СПб., 1867; Варушкин Н., свящ. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // Православный собеседник. 1866. Ч. 1, № 1. С. 3–36; Ч. 2, № 7. С. 167–218; Ч. 3, № 9. С. 48–79; № 11. С. 169–204; 1867. Ч. 1, № 4. С. 3–42; № 6. С. 272–311; Копьев Н. Очерк истории единоверия в Прибалтийских губерниях // Православное обозрение. 1867. № 12. С. 388–394; Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX вв. Казань, 1878; Марков С. Сухиничские единоверцы. М., 1885; Мизеров А., свящ. Единоверие в г. Романов-Борисоглебске (краткие исторические сведения) // Ярославские епархиальные ведомости. 1883. № 20. С. 153–160; № 27. С. 209–213; Вруцевич М. С. Раскол в Пермской губернии // Отечественные записки. 1883. № 6. С. 155–188; № 7. С. 33–100; Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900. Вып. 1; Лысогорский Н. В. Единоверие на Дону в XVIII–XIX вв. (по 1883 г.). Сергиев Посад, 1915.

³ Беликов В. Деятельность Московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895; Звездинский М. И. Взгляд Филарета, митрополита Московского на единоверие и его отношение к нему. М., 1900; Нечаев В. Платон, митрополит Московский, в его отношениях к единоверию. Казань, 1903; Лысогорский Н. В. Московский митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель. Ростов н/Д, 1905.

⁴ Жмакин В. И. Начало единоверия (1780–1796) // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 979–1004; Его же. Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. 1903. № 10; С. 438–485. Медведев Д. Краткий очерк единоверия к столетию со времени его учреждения. Оренбург, 1900; Чельцов М. П. Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г. (Очерки из истории единоверия). СПб., 1900;

себя внимание труд Е. Е. Лебедева, в котором представлена подробная ежегодная статистика обращений старообрядцев в единоверие, а также количество единоверческих приходов, начиная с царствования Николая I и до конца XIX столетия⁵. Значительным явлением в дореволюционной историографии является книга священника Симона (Шлеева), которую можно назвать итоговым исследованием по истории православного старообрядчества, где развитие единоверия рассматривается в контексте отношений с государственной властью и «господствующей» Церковью от времени патриарха Никона (Минова) до начала XX столетия включительно⁶.

В советский период изучение единоверия фактически прекратилось, из-за господствовавших идеологических установок, антирелигиозной и антицерковной политики советского государства. В исторических трудах этого времени единоверие удостоивается краткого упоминания в контексте «реакционной» политики самодержавия и синодальной Церкви, которые использовали единоверие как инструмент «угнетения» старообрядчества (работы Н. М. Никольского, Н. Н. Покровского). Польский исследователь Е. Иванец изучил судьбу старообрядцев-единоверцев, проживавших на территории Польши⁷.

В настоящее время наблюдается растущий интерес исследователей к истории православного старообрядчества. Преобладающим направлением в изучении этого конфессионального феномена является региональный аспект. Кроме того, появляются биографические исследования, посвященные отдельным представителям православного старообрядчества. В последнее время также делаются попытки рассмотреть развитие дореволюционного единоверия в общероссийском контексте.

В начале 2000-х гг. произошло возрождение историографической традиции истории единоверия, берущей начало с трудов Симона (Шлеева), в работах

Субботин Н. И. О единоверии (по поводу его столетнего юбилея). М., 1901; *Белоликов В. З.* К вопросу о единоверии. Киев, 1917.

⁵ *Лебедев Е. Е.* Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу: Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. Новгород, 1904; *Соловьев П. К.* К вопросу о численности единоверцев в начале XX века (Доклад соискателя кафедры истории России и археологии Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского П. К. Соловьева на XXXII Международных Рождественских образовательных чтениях) // Правда Православия. 2024. № 2 (97). С. 27–31.

⁶ *Шлеёв Симеон, свящ.* Единоверие в своем внутреннем развитии / Шлеев Симеон, свящ. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев) // Путь на Голгофу. Т. 2: Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского. М., 2005. С. 105–508.

⁷ *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1931. С. 208–226; *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 45–48; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. Новосибирск, 1974. С. 78–82; *Iwaniec E.* Wydawnictwa staroobrzędowców na terenie Polski i ich staroruskie tradycje // Zeszyty naukowe uniwersytetu Łódzkiego. Seria I: Nauki humanistycznospoleczne. Z109. Łódź, 1976; *Idem.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach Polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977.

священников Иоанна Миролубова и Евгения Саранчи⁸. Сохраняется высокий интерес к биографиям представителей дореволюционного единоверия – Константина Голубова, Иоанна Верховского, Амвросия (Сосновцева) и священномученика Симона (Шлеева)⁹.

С начала XXI в. появляются диссертационные исследования, где единоверие рассматривается в контексте региональной истории старообрядчества (работы Л. Н. Суловой, О. А. Павловой, Д. С. Ермаковой)¹⁰. Среди них выделяется диссертация А. С. Палкина «Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика», опубликованная в виде монографии¹¹. В ней впервые осуществлена попытка придать изучению единоверия обобщающий характер и затронут вопрос внутриконфессиональной идентичности единоверцев. По мнению автора, единоверие не достигло своей главной цели в обращении старообрядчества в «официальное православие», и раскол не только не ослаб, но и укрепил свои позиции. Зарубежный исследователь Дж. Уайт в своих трудах выдвигает оригинальную концепцию «конфессионализации» православного старообрядчества в указанный период. Использование старого обрядового «церемониала» на условиях «официальной» Церкви представляло собой, по мнению историка, искусственное явление и свидетельствовало о миссионерской неудаче единоверия, которое в начале XX в. находилось в процессе размежевания с РПЦ и трансформации в отдельную «конфессию»¹².

⁸ Православное единоверие в России. СПб., 2004; *Саранча Е., Миролубов И.* Единоверие // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 42–50; *Саранча Евгений, свящ., Миролубов Иоанн, свящ., Зимица Н. П.* Краткий очерк истории единоверия. М., 2009.

⁹ *Iwaniec E.* Droga Konstancya Gołubowa od starowierstwa do prawosławia: karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku. Białystok, 2001; Архиепископ Никифор Феотокис. Очерк жизни // Архиепископ Никифор Феотокис. Благословенным христианам Греции и России. М. 2006; *Плякин Максим, свящ., Соловьев П. К.* Новые сведения к биографии епископа Мстёрского Амвросия (Сосновцева) // Богословско-исторический сборник. 2024. № 3(34). С. 199–210. Путь на Голгофу: в 2 т. Т. 1: *Зимица Н. П.* Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского; Т. 2: Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Сост., ред., коммент., справ.-библиогр. материалы Н. П. Зиминой. М., 2005; *Майоров Р. А.* Единоверие и лидер его соединенческого направления второй половины XIX в. священник Иоанн Верховский: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

¹⁰ *Сулова Л. Н.* Старообрядчество и власть в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; *Павлова О. А.* Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII в. – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2007; *Кауркин Р. В., Павлова О. А.* Единоверие в России. От зарождения идеи до начала XX века. СПб., 2011; *Ермакова Д. С.* Единоверческая церковь в Зауралье: XIX – первая треть XX век: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.

¹¹ *Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX вв.: общероссийский контекст и региональная специфика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Его же.* Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

¹² *White J. M. A.* Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918 PhD Thesis. Firenze, 2014; *Уайт Дж. М.* Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913)

В последнее время вышло достаточно много исследований по локальной истории православного старообрядчества Российской империи, которым свойственна широта тематического спектра: от становления православного старообрядчества в той или иной губернии до особенностей внутренних отношений в отдельных единоверческих приходах¹³.

Что касается истории единоверия в той части Поволжья, которая относилась до 1851 г. к Саратовской, а затем – к Самарской губернии, то к настоящему моменту отдельные комплексные исследования практически отсутствуют. Некоторые сюжеты этой темы получили освещение в дореволюционных трудах, касающихся истории иргизских монастырей и становления единоверия на территории Николаевского уезда Саратовской губернии¹⁴. Наиболее обстоятельными работами по истории старообрядчества и единоверия в регионе стали исследования Н. С. Соколова и Н. А. Архангельского, до сих пор не утратившие своей научной ценности¹⁵.

// *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 201–223; *White J.* Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // *Russian History*. 2016. № 43. P. 181–208; *Palkin A., White J. M.* Clerical Outsiders: The Edinoverie Priesthood in Imperial Russia, 1800-1918. // *Journal of Ecclesiastical History*. 2021. Vol. 7. № 2. pp. 372–394.

¹³ *Иванов К. Ю.* Формирование сети единоверческих приходов в Томской епархии в XIX – начале XX вв. // *Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая*. Горно-Алтайск, 2006. С. 167–176; *Романюк Т. С.* Открытие «благословенных» церквей для старообрядцев Уральского казачьего войска в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века // *Церковь. Богословие. История: материалы IV Междунар. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 5–6 февр. 2016 г.)*. Екатеринбург, 2016. С. 380–385; *Кутьев О. Л.* Единоверие в пермских вотчинах Строгановых (30–50-е гг. XIX в.) // *Мир старообрядчества*. Вып. 4: Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований: материалы междунар. науч. конф. М., 1998. С. 275–282; *Ружинская И. Н.* Единоверие в религиозном ландшафте Европейского Севера России // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 2 (171). С. 54–62; *Кальниченко В. Н.* Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе // *XXVII Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием*. СПб. Издательство: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С. 211–216; *Шадрин А. В.* Единоверческое население Области войска Донского в начале XX века: численность и локализация // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2020. № 2. С. 80–86; *Руфин С. М.* Роль единоверия в борьбе со старообрядством во второй половине XIX в. (по материалам Саратовской области) // *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Саратовский источник*, 2016. С. 27–33 и др.

¹⁴ *Добротворский И. М.* Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // *Православный собеседник*, 1857. Ч. 1. С. 376–481; Ч. 2. С. 519–590; *Попов Н. И.* Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1866. Т. 2; *Мордовцев Д. Л.* Последние годы иргизских раскольничьих общин // *Дело*. 1872. № 1. С. 77–114; № 2. С. 112–150; № 4. С. 273–319; *Дубакин Д.* Обращение Иргизских раскольничьих монастырей в единоверие // *Самарские епархиальные ведомости*, 1882–1883, № 1, 2, 5–14, 19.

¹⁵ *Соколов Н. С.* Раскол в саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888; *Архангельский Н. А.* К истории единоверия в Николаевском уезде. Самара, 1923.

В современной историографии большое внимание уделяется иргизским старообрядческим монастырям и обращению их в единоверие в контексте общей истории Саратовской епархии¹⁶. Так, А. А. Наумлюк, признавая определенные успехи «противораскольнической» проповеди в регионе, делает акцент на административно-репрессивных элементах единоверческого «проекта», без использования которых у Церкви «явно не хватало сил для давления» на старообрядчество¹⁷. В сборнике «Монастыри Самарского края» даны справочные сведения об иргизских обителях не только до обращения их в единоверие, но за весь дореволюционный период, когда они находились уже в каноническом единстве с РПЦ¹⁸. В трудах саратовских историков переход в единоверие иргизских монастырей рассматривался как возможность сохранения дониконовской культуры; в исследованиях приводятся статистические сведения о численности единоверцев и «уклонивших в раскол» старообрядцев, рассказывается об отношении новообрядного духовенства к административным методам обращения в единоверия¹⁹.

В диссертационных работах С. А. Обухович и В. В. Катьковой о старообрядчестве Саратовского и Самарского Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. отмечается вклад купцов-единоверцев в экономическое развитие региона и упоминается об участии единоверческого духовенства в миссионерской деятельности РПЦ. При этом единоверцы часто представляются как некое маргинальное старообрядческое «согласие» с неопределенным статусом, который не позволяет их отнести в полной мере ни к старообрядчеству, ни к православию в качестве особой конфессиональной группы²⁰.

¹⁶ Воробьев Михаил, свящ. Православное краеведение. Б.м., 2000; Полозов С. П. Из истории прииргизского старообрядчества XVIII – XIX вв. // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Новокузнецк, 2004; Полозова И. В. Иргизские и черемшанские монастыри и их роль в жизни Саратовского старообрядчества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 102–109; Каргин Ю. Ю. Авраамиева обитель: жизнь и судьба. Б. м., 2022.

¹⁷ Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009; Его же. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009; Наумлюк А. А. Самарское старообрядчество в начале XX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 66–70.

¹⁸ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.). Самара, 2002.

¹⁹ Булычев М. В. Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по рукописи А. И. Артемьева) // Памятные даты Отечественной и местной истории и документальное наследие: Материалы научных конференций Саратовского областного отделения РОИА, 28.11.2008 г. и 20.11.2009 г. / Отв.ред. А. С. Майорова. Саратов, 2009. С. 68–76; Майорова А. С. Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов, 2015. С. 49–50; Захарова И. Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 9, 17, 20.

²⁰ Обухович С. А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX –

В монографиях В. Н. Якунина и протоиерея Максима Кокарева единоверие исследуется в рамках общей истории Самарской епархии; в частности, внимание уделяется православной миссии, «противораскольнической» деятельности единоверческого духовенства, особо рассматривается статус Николаевского (затем – Уральского) викариатства и место единоверческих благочиний в структуре епархиального управления Самарской епархии²¹.

Таким образом, при некотором накопленном фактическом материале и отдельных концептуальных наработках к настоящему моменту в историографии отсутствует исследование, предметно посвященное развитию единоверия в Самарском Поволжье второй половины XIX – начала XX в.

Целью диссертационной работы, учитывая актуальность выбранной темы и степень ее разработанности, является раскрытие процесса становления и развития единоверия в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Цель диссертационной работы обусловила достижение **следующих задач исследования**:

- сделать краткий обзор становления единоверия в контексте государственной и церковной политики по отношению к старообрядческому расколу во второй половине XVII – начала XX в.;
- проанализировать комплекс мероприятий епархиального руководства и местной власти по сохранению и распространению единоверия в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.;
- проанализировать содержание и особенности миссионерской деятельности единоверческого духовенства среди старообрядцев-раскольников;
- рассмотреть положение единоверческих приходов в системе управления Самарской епархии;
- определить географическую локализацию единоверческих приходов Самарской губернии в рассматриваемый период, проанализировать динамику их количества, изучить численный состав приходских общин;
- рассмотреть особенности формирования внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии в рамках РПЦ в условиях конфессионального окружения;
- на материалах Самарской губернии проанализировать мотивацию обращения старообрядцев в единоверие;
- выявить характер взаимоотношений причта единоверческих приходов и приходской общины;

начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010; *Катькова В. В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев в Самарской епархии последней трети XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, №2, 2009. С. 60–63; *Катькова В. В., Мышенцев Н. П.* Старообрядческие общины Самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, №3. С. 47–54.

²¹ *Якунин В. Н.* История Самарской епархии. Тольятти, 2011; *Кокарев Максим, протоиерей.* Система управления Самарской епархии в предсоборный период (1894-1917). М., 2016.

– определить роль единоверческих церковно-приходских школ в сохранении внутриконфессиональной идентичности православных старообрядцев.

Объектом диссертационного исследования в данной работе является единоверие как внутриконфессиональный феномен РПЦ.

Предметом исследования является практическая реализация правил митрополита Платона (Левшина) и распространения единоверия как внутриконфессионального феномена РПЦ на территории Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Территориальные рамки исследования обозначены Самарской губернией в административных границах 1851–1918 гг. При рассмотрении появления единоверия в Саратово-Самарском Поволжье и возникновения Уральского викариатства в работе используются данные по истории Саратовской губернии в границах до 1851 г. и Уральской области за период 1908–1916 гг.

Хронологические рамки исследования определены образованием в 1851 г. Самарской губернии как самостоятельной административно-территориальной единицы и формированием на ее пространстве одноименной епархии, Поместным Собором РПЦ 1917–1918 гг., изменившим положение самого единоверия внутри Церкви, а также Декретом советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви 20 января 1918 г. Верхняя граница также совпадает с административной реорганизацией Самарской губернии в связи с образованием в 1918 г. Трудовой коммуны немцев Поволжья.

Специальность, которой соответствует диссертация. Публикации и диссертация по содержанию, объекту, предмету и методам исследования соответствуют Паспорту специальностей ВАК при Минобрнауки России по специальности 5.6.1. – Отечественная история, пунктам: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России.

Методологическая база диссертационного исследования включает в себя общие принципы научного познания: историзм, системность и объективность. Применение принципа историзма дало возможность рассмотреть процесс становления и развития единоверия на примере Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. Использование принципа системности позволило определить основные причины распространения православного старообрядчества в Самарской губернии и установить степень его эффективности в качестве преодоления старообрядческого раскола на региональном уровне. Принцип объективности предоставил возможность оценивать исследуемые события и явления непредвзято.

В диссертационной работе нашли широкое применение общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение и другие. При этом использовались также и специальные методы исторической науки: проблемно-

хронологический, сравнительно-исторический, историко-статистический, историко-антропологический, историко-биографический и др.

Источниковая база исследования включает следующие группы источников:

– законодательные акты органов высшего государственного и церковного управления: постановления Святейшего Синода, правила митрополита Платона (Левшина), определявшие статус православного старообрядчества в целом и положение единоверческой общины в частности²²;

– делопроизводственная документация органов церковного управления на высшем и региональном уровнях: переписка с канцелярией Святейшего Синода, канцелярией обер-прокурора Синода, канцелярии самарского епископа и местных органов церковного управления – духовной консистории, отчеты и переписка благочинных единоверческих церквей со священством и правящим архиереем, «приговоры» (постановления) единоверческих общин и приходов, переписка настоятелей приходов с единоверческими благочинными, распоряжения и предписания, касающиеся открытия единоверческих приходов и строительства церквей, определяющие деятельность и положение единоверческого духовенства, распоряжения о назначениях и переводах единоверческих благочинных и священников. Перечисленные документы находятся в хранилищах Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), конкретно в фондах Канцелярии самарского епископа (Ф. 356) и Самарской духовной консистории (Ф. 32), а также в фондах иргизских монастырей Филиала Государственного архива Саратовской области в г. Пугачев (ФГАСОП). Они позволяют выявить особенности процесса обращения старообрядцев в единоверие на местах, взаимоотношения духовенства и прихожан, проблемы и нужды единоверческих приходов, деятельность попечительств. Эти материалы содержат характеристики единоверческого духовенства, дают представление об отношениях единоверцев со старообрядцами и новообрядными православными в той или иной местности;

– материалы миссионерских и единоверческих съездов предсоборного периода, а также Поместного Собора 1917–1918 гг.²³;

– переписка самарских губернаторов с правящими архиереями Самарской епархии, хранящаяся в фондах Губернского правления (Ф. 1) и канцелярии самарского губернатора (Ф. 3) ЦГАСО. Она освещает процессы обращения в единоверие и уклонения в раскол как целых общин, так и отдельных их представителей, содержит сведения об «увещаниях» отпавших в раскол,

²² Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885; Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721–1878 г. М., 1879.

²³ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о единоверии и старообрядчестве. М., 2023; Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) / Сост. иерей Евгений Саранча, Никита Кузин. М., 2012; Труды II и III Всероссийских съездов православных старообрядцев (единоверцев) / Текст, сост.: протоиерей Евгений Саранча. Михайловская Слобода, 2018.

обращения единоверцев к епископу как посреднику в решении приходских проблем во взаимодействии с гражданскими властями;

– материалы церковно-административного учета: метрические книги, клировые ведомости, исповедные (духовные) росписи, ведомости о старообрядцах. Единоверческие метрические книги, часть которых хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) и ЦГАСО, помимо записей о «гражданских состояниях», включают себя росписи старообрядцев, присоединившихся к единоверию, и духовные росписи, которые позволяют установить степень участия прихожан в литургической жизни прихода. Клировые ведомости являются одним из наиболее ценных источников по истории единоверия в Самарской губернии, поскольку содержат краткие сведения по истории церкви, материальному положению прихода, послужные списки членов причта, данные о церковно-приходских школах и библиотеках, отражают численность и сословный состав прихожан. Основной массив данной документации находится в фонде Самарской духовной консистории ЦГАСО (Ф. 32), однако он имеет хронологические лакуны за 1870–1880-е гг., вторую половину 1890-х гг., по некоторым единоверческим благочиниям отсутствуют ведомости, начиная с 1908 г. и 1913 г. Часть клировых ведомостей единоверческих церквей находится в фондах иргизских монастырей Филиала Государственного архива Саратовской области в г. Пугачев;

– справочно-статистические материалы земских и губернских статистических органов Самарской губернии и Уральской области²⁴;

– периодическая печать второй половины XIX – начала XX в., которая в основном представлена официальным изданием «Самарские епархиальные ведомости», а также единоверческими изданиями «Истина», «Правда Православия» и старообрядческой газетой белокриницкой иерархии «Церковь». «Самарские епархиальные ведомости» содержат большой массив официальной информации о назначениях и перемещениях священников, сведения архиерейских обзоров епархии, материалы диспутов миссионеров со старообрядцами, миссионерские отчеты, истории обращений в единоверие, статистические данные. В старообрядческих периодических изданиях представлена межконфессиональная полемика, сведения о внутренней приходской жизни и проблемах единоверия.

Представленная выше источниковая база помогает раскрыть проблему сложных взаимоотношений общества, государства и Церкви вокруг единоверия на материалах Самарского Поволжья и выполнить решение задач, поставленных в данном исследовании.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в исследовании впервые предпринята попытка комплексного исследования истории единоверия в Самарской губернии в дореволюционный период с привлечением архивных источников, впервые введенных в научный оборот. На

²⁴ Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года. Самара, 1890; Подковыров Н. Г. Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910; Памятная книжка Уральской области на 1909 год. Уральск, 1909.

основе материалов Самарской губернии в диссертации предлагаются ответы на вопросы истории единоверия, которые ранее исследователями почти не затрагивались, в том числе – характер и содержание миссионерской деятельности единоверцев среди раскольников, единоверческие приходы в системе епархиального управления. Впервые предпринята попытка выявить условия складывания идентичности единоверцев в лоне РПЦ как особой религиозной группы в условиях конфессионального окружения.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут способствовать расширению знаний о духовных, религиозно-бытовых и формальных аспектах жизни единоверцев на региональном уровне. По итогам данной исследовательской работы дается возможность сформировать представление об эффективности единоверия как одного из инструментов борьбы со старообрядческим расколом, возникшим во второй половине XVII в.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов при создании обобщающих научных трудов и пособий по истории РПЦ, единоверия и старообрядчества, а также в учебно-воспитательном процессе для подготовки лекционных и семинарских курсов как в светских ВУЗах, так и в духовных учебных заведениях. Материалы исследования могут применяться на практическом уровне в возрождении приходской жизни старообрядных приходов в РПЦ и формировании государственной конфессиональной политики и церковного взаимодействия в отношении современного старообрядчества. Настоящее исследование имеет также значимость в изучении истории Самарского и Саратовского Поволжья, в частности – истории местного старообрядчества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) распространение единоверия в Саратово-Самарском Поволжье в первой половине XIX в. носило сложный, противоречивый характер и имело локальные особенности: с одной стороны, некоторые приходы возникали по инициативе местных старообрядцев в согласии с епархиальными властями, с другой – по инициативе местных гражданских властей и епархиального руководства с использованием административно-бюрократических и репрессивных мероприятий;

2) миссионерская деятельность единоверческого духовенства проводилась в старообрядческой среде и сыграла значительную роль в «противораскольнической» миссии РПЦ в Самарской губернии; привлечение православных старообрядцев к участию в миссионерской деятельности имело систематический характер и являлось частью миссионерской стратегии епархиальных властей, что, в свою очередь, стало одним из важных обстоятельств развития единоверия в регионе;

3) в системе управления Самарской епархии и взаимодействии с епархиальным руководством в лице правящего архиерея и Самарской духовной консистории единоверческие приходы занимали особое положение, при котором управление и коммуникация с епископом осуществлялось через институт

единоверческих благочинных и автономную систему православно-старообрядческих благочиний;

4) за вторую половину XIX – начало XX в. происходит значительный рост общей численности единоверцев в Самарской губернии, также выросло количество православно-старообрядческих общин, расширяется географическая локализация единоверческих приходов; в рассматриваемый период единоверцы становятся одним из многочисленных старообрядческих согласий региона;

5) формирование внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии происходило в сложных условиях взаимодействия с конфессиональным окружением: со старообрядчеством, с которым сохраняло историческую связь и обрядовую преемственность, и с «господствующей» Церковью, с которой имело административное единство и литургическое общение;

6) мотивация обращений старообрядцев Самарской губернии в единоверие имела под собой основания как объективного, так и субъективного характера: принудительная «запись» в единоверцы, широко применявшейся в царствование Николая I, миссионерская деятельность единоверческого и общеправославного духовенства, а также самостоятельный религиозный выбор старообрядцев, что стало характерным явлением для второй половины XIX – начала XX в.;

7) взаимоотношения единоверческого причта и приходской общины складывались на основе сложившихся после раскола старообрядческих традиций, в которых духовенство находилось в значительной зависимости от мирян; данная тенденция нашла свое формальное подтверждение в правилах митрополита Платона (Левшина), согласно которым у общины было право избирать священство и причт «из своей среды»;

8) одним из главных инструментов сохранения внутриконфессиональной идентичности православных старообрядцев являлись единоверческие церковно-приходские школы, которые имели учебные программы, ориентированные на старообрядческую традицию, и административную автономию в рамках системы образования Самарской губернии.

Апробация результатов исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Основные положения и результаты работы изложены в 19 публикациях автора, из них 6 статей опубликованы в журналах из Перечня ВАК.

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на три параграфа, заключения, списка использованных источников и исследовательской литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы работы и ее научная новизна, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, его

хронологические и территориальные рамки, дается обзор историографии и характеристика источниковой базы работы, раскрывается методологическая основа исследования, поясняется используемая в нем терминология, научная и практическая значимость.

В первой главе **«Единоверие как форма преодоления старообрядческого раскола (общероссийский и региональный контекст)»** представлен исторический обзор возникновения единоверия, реализация «условного» присоединения старообрядцев к РПЦ на основе правил митрополита Платона (Левшина) в общегосударственном масштабе, так и в региональном – на момент образования Самарской губернии.

В параграфе **«1.1. Зарождение и основные этапы становления единоверия во второй половине XVII – начале XX века»** описывается складывание и реализация идеи «условного» воссоединения с Церковью части верующих, не принявших нововведения патриарха Никона (Минова) в обрядности и богослужении. Борьба государства и Церкви со старообрядческим расколом, начиная со второй половины XVII в. велась главным образом репрессивными методами, показавшими низкую эффективность. В тоже время часть старообрядцев искала возможность воссоединения с РПЦ при условии сохранения дониконовской обрядности. В конце XVIII в. по инициативе стародубских старообрядцев, которая была поддержана архиепископом Никифором (Феотоки), возникают первые старообрядческие общины, находившиеся в каноническом единстве с РПЦ. В 1800 г. на основе прошений «о принятии в единоверие старообрядцев нижегородских и московских» были приняты «пункты о единоверии» или «условия единоверия» митрополита Московского Платона (Левшина), согласно которым единоверческие общины имели право избирать священников «из своей среды» и сохраняли дониконовский богослужебный уклад. В царствование Александра I единоверие распространялось довольно медленно, и ситуация изменилась при Николае I когда ужесточается законодательная политика против старообрядцев, и обращается особое внимание правительства на единоверие как эффективный инструмент в борьбе со старообрядческим расколом. При этом правительство сделало ставку на репрессивные меры в отношении раскольников и административно-бюрократические методы обращения в единоверие. В царствование Александра II происходит постепенное сокращение правительственной поддержки единоверия, свертывание репрессивных мероприятий в отношении старообрядческого раскола, что привело к дополнительному исходу из Церкви «мнимых единоверцев» и некоторому сокращению числа новообращенных. При этом эпоха Великих реформ стала временем формирования внутриконфессиональной идентичности единоверцев, осознававших свое особое положение в рамках «официальной» Церкви и требовавших решения своих проблем – отмены «клятв» на старые обряды, решения вопроса о единоверческом епископате и церковном администрировании, канонический статус «новоблагословенного согласия» и перспективы взаимоотношений с остальным старообрядчеством.

В начале XX в. единоверие представляло собой динамично развивающееся старообрядческое «согласие» внутри РПЦ, которое продемонстрировало устойчивость к внутриконфессиональной ассимиляции со стороны «новообрядчества». На Поместном Соборе РПЦ 1917–1918 гг. была признана тождественность единоверия и православия, расширена церковно-административная автономия был подтвержден уникальный статус единоверия дарованием собственного единоверческого епископата.

В параграфе **«1.2. Распространение единоверия в Среднем Поволжье в первой половине XIX века»** рассматривается процесс становления единоверия в регионах, которые впоследствии вошли в состав Самарской губернии. В 1830–1840-х гг. в Самаре и Бугурусланском уезде возникновение единоверческих общин произошло в результате инициативы самих старообрядцев при поддержке местных епископов, что впоследствии обеспечило здесь стабильную приходскую жизнь. В Николаевском уезде, где проживала большая часть старообрядцев Саратовской губернии и располагались иргизские «раскольнические» монастыри, первые безуспешные попытки внедрения единоверия отмечены еще в конце XVIII в. Систематическая деятельность по обращению старообрядцев этого региона началась в царствование Николая I с принудительного перевода пяти иргизских монастырей в единоверческие, при чем в одном случае потребовалась воинская команда. В дальнейшем большинство монахов иргизских монастырей отказалось перейти в единоверие, так что две обители пришлось закрыть за отсутствием насельников. При активном участии губернских властей и Саратовской удельной конторы в 1840-х гг. на Иргизе удалось сформировать большие многосоставные приходы в Криволучье, Каменке и Теликовке. Однако административно-бюрократический подход местного чиновничества к реализации комплекса мероприятий по обращению в единоверие местных старообрядцев, которых формально записывали в единоверцы целыми селениями, привел последующему их отпадению в раскол. Старообрядцы часто принимали единоверие как прикрытие, получив возможность вести прежний «раскольнический» образ жизни. К концу 1840-х гг. из 5,6 тыс. новоиспеченных единоверцев Николаевского уезда в Церкви остались только 110 чел. Деятельность самого крупного единоверческого прихода в Криволучье была дезорганизована, и он оказался на грани исчезновения.

В параграфе **«1.3. Условия возникновения и особенности деятельности единоверческих приходов Самарской губернии в 1850-начале 1860-х годов»** раскрываются обстоятельства, в которых происходило развитие православного старообрядчества в рамках нового административно-территориального образования. Губернские власти епархиальное руководство «унаследовали» ту ситуацию с единоверием которая сложилась на территории будущей губернии к середине XIX в. В формировании единоверческих приходов происходит отказ методов административного принуждения и переход к миссионерской проповеди. Главной задачей в условиях обвального сокращения численности приходов в Николаевском уезде стало сохранение деятельности единоверческих приходов. Усилия епархиальных властей и приходского духовенства в этом

направлении встречали сопротивление старообрядцев и «криптораскольников» как в пассивной форме, проявлявшейся в саботаже богослужений, проповеди священства и «увещаний», так и в открытом сопротивлении, которое проявлялась в контрмиссионерской деятельности, угрозах духовенству и мирянам, случаях физического насилия. Тем не менее, в 1850-е – начале 1860-х гг. единоверческому духовенству удалось остановить процесс распада приходов в Николаевском уезде и распространить единоверие в Новоузенском уезде.

Во второй главе **«Эволюция системы единоверческих приходов в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века»** анализируется место единоверия в структуре епархиального управления, роль единоверческого духовенства в борьбе со старообрядческим расколом, а также рост численности и географическое распространение единоверия в Самарской губернии.

В параграфе **«2.1. Единоверие Самарской губернии в системе епархиального управления»** рассматривается реализация правил единоверия митрополита Платона, касающиеся выборности единоверческого духовенства и приходской автономии. Практика назначений епископами «невыборного» священника или представителя новообрядного духовенства вызывала неприятие со стороны мирян, вследствие чего самарские архиереи с конца XIX столетия в единоверческие приходы почти всегда определялись выходцы из старообрядческой среды.

С середины XIX в. в Самарской епархии формируется институт единоверческих благочинных, независимых от общеправославных благочинных и являвшихся представителями единоверцев своего округа. В начале XX в. единоверческие приходы Самарской губернии находились в двойной церковной юрисдикции викарного епископа в связи созданием Николаевского викариатства, с последующим его преобразованием в Уральское. С увеличением единоверческих приходов росло и количество единоверческих благочиний: в 1860-е гг. их было два, в 1909 г. – три, в 1916 г. – шесть, включая благочиния на территории Уральского казачьего войска. Дисциплинарное и административное взаимодействие единоверческого духовенства с правящим епископом осуществлялось автономно, по многим вопросам минуя Самарскую духовную консисторию.

В параграфе **«2.2. Миссионерская деятельность единоверческого духовенства»** анализируется состав и работа православно-старообрядческого духовенства в епархиальной структуре противораскольнической миссии Самарской губернии. Миссионерская проповедь единоверческого духовенства среди старообрядцев подразумевалась априори и проходила на приходского уровне, продолжалась в пределах благочиннического округа или уезда. Единоверческое духовенство было в противораскольнической миссионерскую структуру Самарской епархии, составляя в начале XX в. основу: перед Первой мировой войной почти половина ее членов была представлена священниками и мирянами из православных старообрядцев, а с 1910 г. ее возглавлял единоверческий священник. В течение второй половины XIX в. произошел отказ

от административно-бюрократических методов обращения в единоверие, а также практики «увещаний» уклонившихся в раскол и осуществлен переход к систематической проповеднической деятельности среди старообрядчества. Основу миссионерского служения составляли воскресные беседы со старообрядцами в единоверческих храмах, открытые богословские диспуты с начетчиками, частные встречи «на дому», распространение миссионерской литературы. Большой миссионерский эффект среди старообрядцев Самарской губернии имела регулярная практика архиерейских богослужений по «старому чину», которую впервые ввел епископ Гурий (Буртасовский). Епископ Гурий, в полной мере используя миссионерский потенциал единоверия, в то же время видел в нем не только миссионерскую площадку, но и состоявшийся внутриконфессиональный феномен, тождественный православию. Одним из количественных показателей деятельности единоверческого духовенства в противораскольнической миссии стал численный рост единоверцев в Самарской губернии.

В параграфе **«2.3. Динамика численности и локализация единоверческих общин»** на основе статистических данных клировых ведомостей, миссионерских отчетов и обер-прокурорских отчетов представлен анализ роста общей численности единоверцев в Самарской губернии, а также изменения числа приходов и географической локализации. В 1850–1860-е гг. происходит становление системы единоверческих приходов, сопровождавшееся обвальным сокращением численности единоверцев Николаевского уезда за счет повторного уклонения старообрядцев в раскол. 1870–1880-е гг. характеризуются определенной стабилизацией приходской жизни и некоторым устойчивым ростом единоверческого населения. И, наконец, с начала 1890-х гг. в Самарской губернии наблюдается взрывной рост количества православных старообрядцев. Если в начале 1870-х гг. численность единоверцев в пяти приходах Самарской губернии составляла более 3,7 тыс. чел., то к середине 1910-х гг. единоверцы 27 приходов проживали в 39 населенных пунктах пяти уездов губернии, при чем их общая численность выросла до более чем 23,3 тыс. чел. Темпы роста единоверческого населения в Самарской губернии до революции 1917 г. кратно превышали аналогичные показатели местного старообрядчества.

Третья глава **«Формирование внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии»** посвящена анализу процесса складывания и специфике религиозно-бытового мировоззрения православных старообрядцев как особой группы верующих в РПЦ.

В параграфе **«3.1. Религиозная самобытность единоверцев»** рассматриваются обстоятельства формирования идентичности в условиях конфессионального окружения православных старообрядцев. Формирование самосознания единоверцев протекало в сложной психологической обстановке почти тотального недоверия, а подчас и нескрываемой враждебности конфессионального окружения. Общеправославное духовенство часто воспринимало единоверцев как потенциальных раскольников, что значительно затрудняло их взаимодействие новообрядным окружением, в то время как старообрядцы относились к ним с нескрываемой враждебностью, оценивая

религиозный выбор как ренегатство и отступление от «отеческой веры». Православное старообрядчество, сохранив свою историческую связь с традицией дониконовского богослужения и сформировав особую религиозную идентичность внутри Церкви, не превратилось в замкнутую конфессиональную автаркию. В качестве важного свидетельства конфессиональной инкультурации в общеправославную среду можно указать на признание единоверцами канонизированных в синодальный период святых и активное участие в почитании преподобного Серафима Саровского в начале XX в.

В параграфе **«3.2. Особенности взаимоотношений духовенства и мирян»** описывается характер приходских коммуникаций в единоверческой среде. Приходская жизнь и взаимоотношения с духовенством в единоверческих приходах Самарской губернии также складывались в соответствии со старообрядческими традициями, которые нашли свое подтверждение в правилах митрополита Платона. Священники и причт, как правило, избирались самими прихожанами, а назначение в приход представителя новообрядного духовенства вызывало болезненную реакцию и приводило к конфликтной ситуации. Тем не менее, правящие архиереи старались избегать прямого вмешательства во внутренние дела единоверческих приходов, учитывая особый административный статус единоверия. В единоверческих приходах участие мирян в решении текущих задач и проблем общины являлось значительным, что было характерной традицией всех старообрядческих согласий. Особенно высоким был авторитет старост и попечителей, состав которых формировался из числа состоятельных прихожан. Они не только брали на себя решение хозяйственных, финансовых и административных задач, но и следили за соблюдением уставного совершения богослужений, иногда вмешиваясь в священническую компетенцию.

В параграфе **«3.3. Образование и просветительская деятельность»** рассматривается деятельность единоверческих церковно-приходских школ и православно-старообрядческих библиотек Самарской губернии как важный инструмент сохранения религиозной идентичности и передачи богослужебной традиции. По этой причине единоверческие школы возникали, как правило, по инициативе прихожан и не носили формализованный характер. К концу XIX в. все единоверческие «училища» были включены в систему церковно-приходских школ Самарской губернии. В числе своеобразных признаков образовательных учреждений единоверцев присутствовали следующие: акцент учебной программы на преподавание по «старопечатным» книгам, тесная связь обучения с участием в церковном богослужении и ярко выраженный миссионерский характер деятельности единоверческих церковно-приходских школ. Важно отметить, что образовательный процесс был тесно связан с богослужебной практикой, что создавало кадровую базу для подготовки единоверческого духовенства. Большое значение для сохранения старообрядческой «книжности», осуществление миссионерской и просветительской деятельности единоверцев играли приходские библиотеки, особенно большие фонды которых были сформированы в единоверческих монастырях губернии.

В заключении содержатся основные выводы исследования.

Нововведения патриарха Никона (Минова) привели не только к отделению от Церкви части верующих, но и настроили приверженцев старого обряда против государства, которое поддержало церковную «исправу». В течение почти двух с половиной столетий и государство, и Церковь, пытались решить проблему раскола. Поначалу противодействие ему осуществлялось главным образом репрессивными методами. Появление единоверческих церквей стало возможным благодаря отсутствию у старообрядцев полной церковной иерархии и пониманию государством неэффективности одних только репрессий, которые вызывали у сторонников «древлего благочестия» ответное противодействие. Возможность существования старообрядных общин и совершения дониконовского богослужения в рамках Церкви на несистемной основе существовала со второй половины XVII в. Постоянной формой возможного компромиссного воссоединения с Церковью стали правила митрополита Платона (Левшина) от 1800 г. Переходя в единоверие, старообрядцы вступали в литургическое общение с «господствующей» Церковью, признавали канонический авторитет и власть общеправославного епископата, но при этом получали возможность сохранить дониконовский религиозный уклад в совершении богослужений и осуществлении приходской жизни.

Первоначально единоверие рассматривалось епископатом в качестве уступки старообрядцам, переходной ступенью от раскола к полному слиянию с «новообрядным православием». Самых единоверцев правила митрополита Платона не удовлетворяли в полной мере, поскольку в них отсутствовала общецерковная декларация об отмене «клятв» на старый обряд и возможность получения единоверческого епископа. Поэтому государство во второй трети XIX в. пыталось стимулировать обращение в единоверие принудительным закрытием старообрядческих церквей и монастырей, усилением полицейских мер и ограничением гражданских прав раскольников.

После прекращения государственного давления на старообрядчество, имевшего место в царствование Николая I, происходит некоторый отток единоверцев в раскол. Тем не менее, до конца XIX в. продолжается постепенное увеличение их численности и стабилизация приходской жизни. В этот период формируются рамки внутриконфессиональной идентичности православных старообрядцев как особой группы в РПЦ со своим мировосприятием, спецификой религиозного быта и пониманием собственных целей и интересов. Задачи, которые стояли перед единоверием в течение XIX – начале XX в., выражались в сохранении богослужebной и приходской автономии, обретении единоверческого епископа, снятие «клятв» на старый обряд и получении полноценного церковного статуса. Поместный собор 1917–1918 гг. дал ответы практически на все (кроме отмены «клятв») главные запросы единоверия, численность которого к этому моменту составляла по некоторым данным не менее 500 тыс. чел. в 660 приходах.

В Саратово-Самарском регионе процесс распространения единоверия имел сложный и противоречивый характер. Первые попытки распространить действие правил единоверия предпринимались в конце XVIII в. на Иргизе, но окончились

неудачей, встретив сопротивление старообрядцев. Ситуация изменилась в начале правления Николая I. В 1830–1840-х гг. в Самаре и с. Сосновка Бугурусланского уезда единоверческие приходы появились благодаря инициативе местных старообрядцев, пожелавших получить себе священника от правящего архиерея. В Саратовской губернии (в частности, в Николаевском уезде) распространение единоверия приобрело более драматический характер. Иргизские старообрядческие монастыри были принудительно обращены в единоверие в конце 1820 – начале 1840-х гг. Обращение «мирских» раскольников в единоверие проводилось главным образом по инициативе губернских властей и чиновников Саратовской удельной конторы административными методами – принудительной записью старообрядцев целыми общинами. Становление единоверческих приходов в первые десятилетия с момента образования Самарской губернии происходило, таким образом, в неблагоприятных обстоятельствах, поскольку гражданские и церковные власти унаследовали ситуацию, доставшуюся им от прошлой администрации. Массовые отпадения в раскол единоверцев Николаевского уезда показали несостоятельность административных методов преодоления раскола на Иргизе. Многие «записные» единоверцы продолжали прежний образ жизни «по расколу», понимая единоверие исключительно как форму подчинения «господствующей» Церкви. Кроме того, старообрядцы часто оказывали как пассивное сопротивление единоверию, саботируя богослужения, так и активное противодействие, которое порой проявлялось в агрессии по отношению к единоверческому духовенству и мирянам.

В то же время единоверческие приходы в Самаре и Сосновке продемонстрировали стабильный численный рост прихожан, а в 1860-е гг. образовался новый большой приход в с. Красный Яр Новоузенского уезда. История становления единоверия в Самарской губернии показала, что успешное формирование единоверческих общин происходило в тех случаях, когда оно инициировалось самими старообрядцами при содействии епархиальной власти. Принудительное обращение в единоверие вело к неустойчивости общин, члены которых повторно уходили в раскол или использовали единоверие как прикрытие прежнего образа жизни. В период формирования церковной епархиальной структуры в Самарской губернии 1850–1860-х гг. пришло осознание того, что в противодействии расколу недостаточно использования только принудительных и репрессивных мер. Впоследствии преимущество в деле распространения единоверия в Самарской губернии отдавалось систематической миссионерской работе духовенства среди старообрядцев. В сравнении с бюрократическим подходом миссионерская проповедь на местах и пастырские «увещания» продемонстрировали бóльшую эффективность. После полного отказа гражданских властей от попыток искусственного создания массовых единоверческих общин духовенство на местах и самарские епархиальные власти приложили немало усилий, чтобы сохранить главные единоверческие приходы Николаевского уезда в Криволучье и Теликовке. Сложный и драматический этап становления единоверческих общин на Иргизах завершился к началу 1870-х гг.

Реализация условий единоверия в системе епархиального управления на примере Самарской губернии второй половины XIX в. показывает, что их исполнение во многом зависело от степени развития приходской жизни единоверческой общины и решений правящего архиерея. Епископ действовал в этом вопросе, исходя из сложившихся обстоятельств и собственного понимания целей развития единоверия во вверенной ему епархии. Если в 1850-е – 1880-е гг. в Самарской губернии нередкими были случаи назначения в приход новообрядного священства без согласия прихожан, то впоследствии, начиная с 1890-х гг., кандидаты в члены причта, как правило, назначались из старообрядческой среды по избранию общины или с ее согласия. Избрание прихожанами кандидата в священники в каждом случае требовало подтверждения со стороны правящего архиерея. С середины XIX столетия начинает действовать институт единоверческих благочинных, который играл важную роль во взаимодействии епархиального руководства с единоверческими приходами. Единоверческие благочинные в Самарской губернии, возглавляя округа с церковно-административной автономией на территории общеправославных благочиний, подчинялись непосредственно епископу.

В Самарской губернии единоверие рассматривалось правящими архиереями как миссионерская платформа, на базе которой предоставлялась возможность в определенной степени нивелировать последствия церковного раскола и купировать прозелитическую деятельность старообрядцев. Епархиальные власти на протяжении указанного периода выработали в отношении единоверия определенную стратегию, способствовавшую его распространению в губернии, и активно привлекали единоверческое духовенство к православной миссии. Исследование динамики численности единоверия и географического распространения единоверческих общин позволяет с одной стороны установить степень успешности миссионерской деятельности единоверческого духовенства, с другой – определить этапы развития единоверия в Самарской губернии. К 1917 г. единоверие из маргинального старообрядческого согласия в лоне «господствующей» Церкви, превратилось в устойчивую внутриконфессиональную группу, по числу своих приверженцев сопоставимую с крупнейшими староверческими объединениями губернии. Количество единоверческих приходов и численность единоверцев с середины XIX столетия до 1917 г. выросли в несколько раз. Темпы роста численности православных старообрядцев Самарской губернии в целом соответствовали общероссийской тенденции. Другими словами, единоверие как миссионерский проект РПЦ показало в Самарской губернии свою высокую эффективность.

Анализ материалов Самарской губернии позволяет определить субъективную мотивацию обращения старообрядцев в единоверие. Для принимавших единоверие представителей старообрядческого «поповства» было важным наличие полной священнической иерархии, как важного условия истинности Церкви. Беглопоповство в отсутствие епископата этому условию не соответствовало, а каноничность епископов белокриницкой иерархии вызывала сомнения, поскольку в его истории был очевиден разрыв преемственности с

середины XVII в. Представители «беспоповщины» часто обращались в единоверие из-за отсутствия священства как такового, что делало невозможным совершение почти всех церковных Таинств. Прекращение административного давления при реализации правил митрополита Платона, миссионерская проповедь и возможность свободного выбора, качественно меняли состав новообращенных единоверцев, поскольку присоединение к Церкви становилось результатом самостоятельного интеллектуального поиска.

Внутриконфессиональная идентичность и религиозно-бытовое мировоззрение православного старообрядчества Самарской губернии складывались в сложных условиях взаимодействия с раскольниками со одной стороны и с другой – с общеправославным духовенством и простыми мирянами. В глазах остальной массы старообрядчества единоверцы являлись предавшими «веру отцов» религиозными ренегатами и «униатами», перешедшими в подчинение «никонианской» Церкви. Хотя единоверцы сохраняли верность дониконовским формам церковного богослужения, оставаясь в самом традиционном смысле старообрядцами, само раскольное старообрядчество отказывалось признавать единоверие одним из своих согласий, негативно оценивая присоединение к «господствующей» Церкви. Среди общеправославного епископата и духовенства, в свою очередь, было распространено мнение о единоверцах как о потенциальных или тайных раскольниках. Несколько иной характер носили взаимоотношения с новообрядными верующими на низовом уровне, особенно в местностях со смешанным конфессиональным составом населения, о чем свидетельствует практика богослужебного и бытового взаимодействия с общеправославным окружением.

Единоверческое школьное дело в Самарской губернии возникло и развивалось как неотъемлемая часть системы народного просвещения, являясь одним из важных инструментов сохранения религиозной самобытности православных старообрядцев. С момента возникновения единоверческие церковно-приходские школы имели свои отличительные черты, обусловленные особым положением единоверия в РПЦ: основной акцент в образовании делался на преподавание тех предметов, которые позволяли сохранять религиозную идентичность единоверцев. При этом единоверческие училища обладали некоторой административной автономией: к концу 1900-х гг. они перешли в ведение викарного епископа Уральского, формально оставаясь в ведомстве самарского архиерея. В том же контексте происходило и развитие библиотечного дела в единоверческих приходах Самарской губернии второй половины XIX – начале XX века. Оно сыграло важную роль в деле религиозного просвещения православных старообрядцев и сохранении их внутриконфессиональной идентичности. Кроме того, приходские книжные собрания становились необходимым инструментом проповеднической и миссионерской деятельности единоверческого духовенства.

Единоверие в Самарской губернии в течение второй половины XIX – начала XX столетия прошло сложный путь становления от немногочисленного старообрядческого течения с неясным каноническим статусом и дальнейшими

перспективами до динамично развивающейся внутриконфессиональной группы, имеющей особую идентичность и положение в составе Церкви, закрепленные в решениях Поместного Собора 1917–1918 гг.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Соловьев П. К.* Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. Вып. 2. С. 34–43.

2. *Соловьев П. К.* «Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 234–242.

3. *Соловьев П. К.* Миссионерская деятельность единоверческого духовенства Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 106–115.

4. *Соловьев П. К.* Динамика численности и локализация единоверческих приходов Самарской губернии в дореволюционный период // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. Вып. 2. С. 39–48.

5. *Соловьев П. К.* Из раскола в единоверие: мотивация религиозного выбора в автобиографиях старообрядцев второй половины XIX – начала XX века // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 2 (25). С. 63–79.

6. *Плякин Максим, свящ., Соловьев П. К.* Новые сведения к биографии епископа Мстёрского Амвросия (Сосновцева) // Богословско-исторический сборник. 2024. № 3 (34). С. 199–210.

Статьи в прочих изданиях:

7) *Соловьев П. К.* Материалы по истории духовного образования балаковских единоверцев (1867–1917 гг.) // «Рождественское тож...»: Очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на Балаковской земле. Саратов, 2018. С. 35–40.

8) *Соловьев П. К.* Амвросий Мстёрский – единоверческий епископ из Балаково // «Рождественское тож...»: Очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на Балаковской земле. Саратов, 2018. С. 41–45.

9) *Соловьев П. К.* Балаковские «австрийцы» // «Рождественское тож...»: Очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на Балаковской земле. Саратов, 2018. С. 46–56.

10) *Соловьев П. К.* Условия формирования конфессиональной идентичности единоверцев Николаевского уезда во второй половине XIX в. // XVIII Межрегиональные образовательные Пименовские чтения. Александр

Невский: Запад и Восток, историческая память народа. 10–20 декабря 2020 года // Межрегиональные Пименовские чтения. 2021. № 18. С. 218–224.

11) *Соловьев П. К.* «Православные старообрядцы» Самарской губернии на Всероссийских единоверческих съездах в предсоборный период (1912–1917 гг.) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК. Самара, 2021. С. 92–94.

12) *Соловьев П. К.* О «криптораскольничестве» единоверцев Николаевского уезда Самарской губернии в 40-х – 70-х годах XIX столетия // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 139–153.

13) «Церковь наша представляет вид сиротствующей...»: из истории прихода единоверческой Никольской церкви с. Балаково // Мальцевские чтения, посвященные 110-летию со дня преобразования села в город Балаково. Материалы Восьмых Всероссийских Мальцевских краеведческих чтений. Саратов, 2021. С. 76–83.

14) *Соловьев П. К.* Старообрядчество и «новые святые» Русской Православной Церкви в начале XX века: к истории полемики «австрийцев» с единоверцами // Межрегиональные Пименовские чтения. 2023. № 20. С. 150–159.

15) *Соловьев П. К.* К истории библиотечного дела в единоверческих приходах Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Национальное культурное наследие России: региональный аспект», X Всероссийская научно-практическая конференция (2023; Самара). Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, г. Самара, 1 апреля 2023 г. / Самара, Самарский государственный институт культуры; под ред. М. А. Петиновой, Л.М. Артамоновой, В.И. Ионесова, 2023. С. 11–14.

16) *Соловьев П. К.* Единоверческие приходы Самарской губернии в системе епархиального управления (вторая половина XIX – начало XX века) // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 2. С. 78–97.

17) *Соловьев П. К.* К характеристике внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии второй половины XIX–начала XX века // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 68–81.

18) *Соловьев П. К.* Прошение балаковских единоверцев к самарскому епископу Герасиму (Добросердову) о назначении священника // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (24). С. 134–151.

19) *Соловьев П. К.* К вопросу о численности единоверцев в начале XX века (Доклад соискателя кафедры истории России и археологии Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского П.К. Соловьева на XXXII Международных Рождественских образовательных чтениях) // Правда Православия. 2024. № 2 (97). С. 27–31.